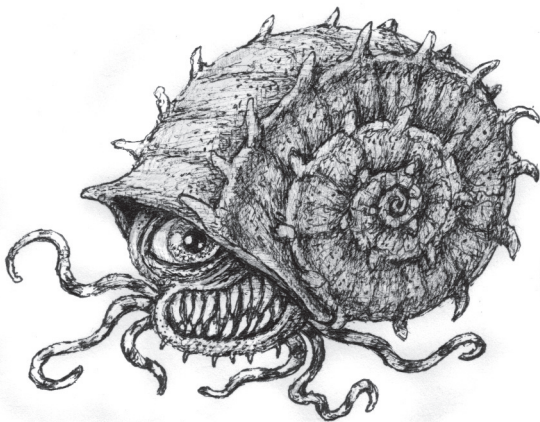

Серия «Из тьмы»

Говард Филлипс Лавкрафт

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2022

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31
КТК 654
Л13

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.
Л13 Заброшенный дом / Говард Филлипс Лавкрафт. — Рос-
тов н/Д : Феникс, 2022. — 254 с. : ил. — (Из тьмы).

ISBN 978-5-222-36773-5

Самые захватывающие произведения, входящие в «золотой фонд» мировой литературы ужасов. Любители пощекотать себе нервы не должны проходить мимо этой серии! На страницах книг оживут самые страшные ночные кошмары, от древних богов Лавкрафта до ведьм Гоголя. Читатель прикоснётся к древним оккультным тайнам, посетит ужасные и таинственные миры, созданные фантазией великих писателей. Не читайте эти книги на ночь!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-36773-5

- © Оформление: ООО «Феникс», 2021
- © Иллюстрации: Иванов И., 2019
- © В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

Роман

I

Нижеследующий рассказ я публикую вынужденно, поскольку представители науки отвергли мой совет, сочтя его бездоказательным. Я решительно предпочел бы умолчать о причинах, заставляющих меня противиться грядущему вторжению в Антарктику с его последствиями: безудержной охотой за окаменелостями, бурением множества скважин, растапливанием полярных льдов, — тем более что к моим словам, возможно, никто не прислушается. Факты, о которых я должен поведать, неизбежно будут встречены с недоверием, но если выпустить из рассказа все необычное и невероятное, останется одно пустое место. Подкреплени-ем им послужат прежде не публиковавшиеся фотографии,

сделанные как на земле, так и с воздуха, — на редкость четкие и наглядные. Критики, однако, усомнятся и здесь, объявив снимки искусным фотомонтажом. Чернильные зарисовки уж точно никого не убедят, а вызовут лишь ухмылки, при том что над их необычным характером стоило бы задуматься искусствоведам.

В итоге мне остается положиться на проницательность и авторитет тех немногих выдающихся ученых, кто, с одной стороны, мыслит достаточно независимо, чтобы оценить, сколь несокрушимо убедительны сами по себе представленные мною данные, или же сопоставить их с некоторыми древнейшими и весьма загадочными мифологическими циклами; с другой же стороны, эти ученые должны быть достаточно влиятельны, дабы удержать исследователей от чересчур поспешных и опрометчивых предприятий в регионе «Хребтов Безумия». К несчастью, когда речь идет о предметах столь противоречивых и далеко выходящих за рамки обыденного, безвестным сотрудникам заштатного университета, каковыми являемся мы с коллегами, едва ли можно надеяться на внимание научных кругов.

И дополнительный фактор, нам не благоприятствующий: мы не являемся в строгом смысле специалистами непосредственно в тех научных областях, которые в данном случае более всего затронуты. Передо мной, как геологом и руководителем экспедиции Мискатоникского университета, была поставлена задача добыть в разных точках антарктического континента образцы пород глубокого залегания, для чего предполагалось воспользоваться замечательным буром, который был сконструирован профессором Фрэнком Пейбоди, сотрудником нашего технического факультета. На роль первопроходца в каких-либо иных областях я не претендовал; надежды мои ограничивались тем, чтобы, не удаляясь

от ранее исследованных путей, при помощи упомянутого механического устройства отобрать в ряде пунктов образцы, прежде, до изобретения нового метода, недоступные. Буровая установка Пейбоди, как уже знает публика из наших сообщений, превосходит все аналоги по таким качествам, как легкость и компактность, а эффективное сочетание принципов вращательного и ударного бурения позволяет ей легко справляться с породами различной твердости. Стальная насадка, буровые штанги, бензиновый двигатель, разборная деревянная вышка, принадлежности для взрывных работ, такелаж, шнек, составная бурильная колонна диаметром пять дюймов и общей глубиной до 1000 футов — все это, с дополнительными принадлежностями, помещалось на трех санях, по семь собак в упряжке, благо большая часть металлических конструкций была изготовлена из легких алюминиевых сплавов. Имелись четыре больших самолета Дорнье, специально спроектированных для полетов на огромной высоте (поскольку летать предстояло над антарктическими плоскогорьями) и дополненных устройствами для подогрева горючего и ускоренного запуска двигателя (разработки того же Пейбоди). Эти машины предназначались для доставки участников экспедиции из базы на краю большого ледяного барьера к различным точкам в глубине материка, а дальше можно было перемещаться на собаках, которые имелись в достаточном количестве.

Мы рассчитывали проработать один антарктический сезон (при крайней необходимости и дольше) и исследовать за это время как можно большую область преимущественно в горах и на плоскогорье к югу от моря Росса, то есть в регионах, в той или иной степени изученных Шеклтоном, Амундсеном, Скоттом и Бэрдом. Часто меняя лагеря, достигая с помощью самолетов отдаленных друг от друга и

различных по геологии областей, мы рассчитывали собрать беспрецедентно обширный научный материал — особенно в докембрийских слоях, антарктические образцы которых в распоряжении ученых были наперечет. Предполагалось также собрать коллекцию самых разнообразных поверхностных пород с окаменелостями: знание древней истории этих безжизненных льдистых пределов послужило бы солидным подспорьем при изучении прошлого всей нашей планеты. Уже ни для кого не секрет, что в незапамятные времена на антарктическом континенте царил умеренный и даже жаркий климат, процветала разнообразная флора и фауна, от которой в наши дни уцелели только лишайники, морские животные, паукообразные и пингвины, да и те лишь на северной кромке материка; мы же надеялись существенно пополнить и уточнить эти сведения. Если обнаружатся признаки окаменелостей, мы планировали перейти к буровзрывным работам, чтобы добыть образцы нужного размера и качества.

Поскольку в низинах толщина ледяного панциря составляла от мили до двух, мы решили ограничиться голыми — или почти голыми — склонами и вершинами гор, выявлять многообещающие участки и там бурить на разную глубину. Мы не могли себе позволить проходку большой ледовой толщи, хотя Пейбоди придумал просверливать частые отверстия, опускать туда медные электроды и, запитывая их от работающей на бензине динамо-машины, растапливать таким образом участок льда. Именно этот метод (проверить его можно было только в ходе такой экспедиции, как наша) намереваются применить участники будущей экспедиции Старкуэзера-Мура; ко мне они не прислушиваются, хотя я после возвращения из Антарктики неоднократно уже выступал в печати с предостережениями.

О Мискатоникской экспедиции публика осведомлена благодаря нашим частым радиограммам в газету «Архем Эдвертайзер» и агентство «Ассошиэйтед Пресс», а также позднейшим заметкам, которые публиковали мы с Пейбоди. В составе ее были четверо сотрудников университета: Пейбоди, Лейк с биологического факультета, Этвуд с физического (он же был нашим метеорологом) и я — представитель геологической науки и номинальный глава экспедиции, а также шестнадцать ассистентов: семеро аспирантов и девять мастеров-механиков. Двенадцать человек из названных шестнадцати были квалифицированными пилотами, и все, за исключением двоих, умели обращаться с радиопередатчиком. Восемь ассистентов, а также мы с Пейбоди и Этвудом, разбирались в навигации и умели обращаться с компасом и секстантом. Добавьте сюда два бывших китобойных судна (с усиленным, для плавания среди льдов, деревянным корпусом и вспомогательным паровым двигателем) и их полностью укомплектованные экипажи. Экспедицию финансировал Фонд Натаниэля Дерби Пикмана, было сделано и несколько дополнительных пожертвований, поэтому даже в отсутствие особой огласки подготовка была проведена самая основательная. В Бостон для погрузки на суда были доставлены собаки, сани, механизмы, лагерное оборудование и припасы, а также, в разобранном виде, наши пять самолетов. Мы обеспечили себя всем необходимым для достижения своих целей, и во всем, что касается припасов и экипировки, организационных вопросов, перевозки, оборудования лагеря, был использован ценнейший опыт наших недавних — и блестящих — предшественников. Именно потому, что их было много и их достижения широко обсуждались, наша экспедиция, при всех ее масштабах и значимости, прошла относительно незамеченной.

Как сообщалось в газетах, мы отплыли из Бостонской бухты 2 сентября 1930 года, взяли курс вдоль берега на юг, прошли Панамский канал, сделали остановку на островах Самоа и далее в Хобарте, на острове Тасмания, где взяли на борт последнюю партию припасов. Никто из тех, кто готовился заниматься научными исследованиями, не бывал прежде в полярных широтах, поэтому нам оставалось только положиться на опыт капитана брига «Аркхем», Дж. Б. Дагласа (он командовал морским этапом экспедиции), а также капитана барка «Мискатоник» Георга Торфиннсена; оба они долгое время промышляли в Антарктике китов. Обитаемые земли остались позади, солнце с каждым днем все ниже и все дольше висело над северным горизонтом. Приблизительно на 62° южной широты мы впервые видели айсберги, плоские, как стол, с отвесными стенками, а незадолго до 20 октября, когда с надлежащими, весьма причудливыми церемониями состоялось пересечение полярного круга, впервые натолкнулись на труднопроходимые ледовые поля. После долгого плавания в тропиках я никак не мог приспособиться к низким температурам, однако приходилось держаться, поскольку главные испытания были еще впереди. Частенько я, восхищенный и зачарованный, наблюдал необычные атмосферные явления; однажды это был поразительно правдоподобный мираж (первый в моей жизни): отдаленные айсберги вдруг обратились укреплениями грандиозных, немислимых замков.

Пробившись через льды (к счастью, не очень протяженные и плотные), мы на 67° южной широты и 175° восточной долготы достигли открытого водного участка. Утром 26 октября на южном горизонте показался желтоватый отблеск — знак, что близок снежный берег, и еще до полудня мы с трепетом завидели впереди могучую, одетую

снегом горную цепь, заступавшую весь горизонт. Это был долгожданный аванпост обширного неисследованного континента, загадочного мертвого царства мороза. Перед нами, очевидно, простиралась Адмиралтейская гряда, открытая Россом, и теперь нам нужно было обогнуть мыс Адэр и вдоль восточного побережья Земли Виктории следовать до места, где мы планировали устроить базу: на берегу пролива Мак-Мердо, у подножия вулкана Эребус, 77° 9' южной широты.

Заключительный отрезок пути поражал воображение: на западе теснились таинственные нагие пики, солнце (полуденное — низко над северным горизонтом, полуночное — и того ниже над южным) бросало бледно-розовые лучи на белый снег, голубоватый лед, разводя, черный гранит крутых склонов. На пустынные вершины порывами налетал жуткий антарктический ветер, в его завываниях чудились иной раз живые ноты отчаяния; затрагивая какие-то подсознательные воспоминания, этот разноголосый плач будил во мне смутные страхи. Чем-то этот пейзаж напоминал странные, тревожные азиатские полотна Николая Рериха и даже еще более странное и тревожное описание зловещего плоскогорья Ленг из «Некрономикона», написанного безумным арабом Абдулом Альхазредом. Позднее мне пришлось пожалеть о том, что я вообще ознакомился в библиотеке колледжа с этой чудовищной книгой.

7 ноября мы, временно потеряв из виду горную гряду на западе, миновали остров Франклина, а на следующий день перед нами показались на фоне длинной цепи гор Парри конические вершины вулканов Эребус и Террор на острове Росса. К востоку простирался белой линией большой ледовый барьер; он вставал из воды перпендикулярно, похожий на скалистые утесы Квебека: водный путь к югу здесь кончался.

После полудня мы вошли в пролив Мак-Мердо и пристали к берегу с подветренной стороны от курящегося Эребуса. Вулканический пик, высотой 12 700 футов, громоздился к востоку, похожий на японскую гравюру со священной горой Фудзияма; на заднем плане виднелся Террор — потухший вулкан высотой 10 900 футов. Время от времени Эребус выпускал клубы дыма; один из аспирантов, очень способный молодой человек по фамилии Данфорт, указал нам на потеки лавы на снежном склоне и заметил, что эта гора, открытая в 1840 году, несомненно, рисовалась воображению Эдгара По, написавшего семью годами позже:

Словно лава катилась огнем,
Словно серные реки, что Яник
Льет у полюса в сне ледяном,
Что на северном полюсе Яник
Со стоном льет подо льдом¹.

Данфорт увлекался фантастической литературой, и По не сходил у него с языка. Я и сам им интересовался — из-за его единственного романа: пугающего, загадочного «Артура Гордона Пима», где действие происходит в Антарктике. И на пустынном берегу, и на мощном ледяном барьере поодаль забавно кричали и хлопали крыльями бесчисленные пингины, в воде и на медленно несомых течением льдинах виднелось множество упитанных тюленей.

9-го числа, вскоре после полуночи, мы на шлюпках не без труда высадились на остров Росса; с собой мы везли канаты: по ним, в люльках, мы предполагали доставить с кораблей груз. Впервые ступая на землю Антарктиды, пусть даже

---

¹ Э. А. По, «Улялюм» (1847). Перевод Валерия Брюсова.

вслед за Скоттом и Шеклтоном, мы немало волновались. Лагерь на мерзлом берегу у склона вулкана предназначался исключительно для хранения запасов — штаб-квартира оставалась на «Аркхеме». Мы сгрузили на сушу буровую установку, собак, сани, палатки, провизию, цистерны с бензином, экспериментальное оборудование для растапливания льда, фотоаппараты и аэрофотокамеры, детали разобранных самолетов и другие принадлежности, в том числе три переносных рации (помимо тех, что имелись на самолетах), чтобы, в какую бы точку антарктического континента мы ни забрались, с их помощью держать связь с большим приемопередатчиком на «Аркхеме». Последний, в свою очередь, обеспечивал сообщение с внешним миром и должен был передавать наши репортажи на мощную радиостанцию в Кингспорт-Хеде, штат Массачусетс, принадлежащую газете «Аркхем Эдвертайзер». Мы надеялись уложиться с нашими планами в одно антарктическое лето, но, если не справимся, не исключали и зимовку на «Аркхеме»; «Мискатоник» в таком случае, прежде чем установится лед, привез бы запасы для нового сезона.

Сообщения о начальных этапах нашей работы уже появлялись в газетах, поэтому нет нужды вновь рассказывать о нашем восхождении на гору Эребус, об успешном поиске минералогических образцов в различных пунктах острова Росса, о необычно скоростной работе установки Пейбоди, с легкостью одолевавшей самые твердые породы, об испытании оборудования для точечного растапливания льда, об опасном подъеме, с санями и припасами, на ледяной барьер и наконец о сборке в лагере пяти громадных самолетов. Никто из высадившихся на землю (а это были двадцать человек и пятьдесят пять аляскинских ездовых собак) не заболел — впрочем, мы не сталкивались до сих пор ни с сильными

морозами, ни с бурями. Температура не опускалась ниже 20–25°, а для жителей Новой Англии это не особенно суровая погода. Лагерь на барьере был предназначен для складирования горючего, провизии, динамита и других запасов. Для переброски исследовательского оборудования мы собирались задействовать четыре самолета, тогда как пятый, с пилотом и двумя моряками, оставался в резерве, чтобы эвакуировать нас, если весь прочий воздушный транспорт выйдет из строя. Позднее, когда один или два самолета бывали свободны, мы использовали их, чтобы доставлять грузы со склада на вторую постоянную базу; она располагалась в 600–700 милях южнее, на большом плоскогорье за ледником Бирдмора. Наши предшественники единодушно сообщали об ураганных ветрах, дующих оттуда, однако мы решили, что экономней и вообще рациональней будет не устраивать промежуточных баз.

В радиосообщениях рассказывалось о головокружительном четырехчасовом перелете нашей эскадрильи над мощными шельфовыми льдами (это было 21 ноября), о гигантских пиках на западе, о бездонной тишине, гулким эхом откликавшейся на шум наших двигателей. Ветра нас не особенно беспокоили; однажды мы попали в непроницаемый туман, однако сориентировались при помощи радиокompаса. Между 83° и 84° южной широты перед нами вырос обширный подъем: самый большой долинный ледник в мире, ледник Бирдмора; скованное льдом море уступило место хмурому гористому берегу. Наконец мы по-настоящему вступили в белый, охваченный вековечным сном мир крайнего юга и, едва это осознав, разглядели в отдалении, на востоке, вершину горы Нансена, высотой почти 15 000 футов.

Как мы благополучно оборудовали на леднике, в точке с координатами 86° 7' южной широты и 174° 23' восточной долготы, южную базу, как добирались на санях или самолетом

в различные близлежащие районы, как успешно, с феноменальной скоростью проводили там буровые и взрывные работы — все это осталось в истории, равно как и нелегкое, но триумфальное восхождение Пейбоди с двумя аспирантами, Гедни и Кэрроллом, на гору Нансена, состоявшееся 13–15 декабря. Мы находились на высоте 8 500 футов над уровнем моря, и когда пробное бурение показывало, что в данной точке нас отделяет от твердой земли не более двенадцати футов снега и льда, шла в ход установка для точечного растапливания льда, а затем — буры и динамит. В результате мы получили минералогические образцы в таких местах, где и не мечталось прежним исследователям. Полученные таким образом докембрийские граниты и песчаники серии «Бикон» подтвердили наше мнение, что данное плато сходно по геологическому строению с обширным континентальным массивом на западе, однако несколько отлично от областей, расположенных восточнее, ближе к Южной Америке. В ту пору мы предполагали, что эти области образуют другой, меньший континент, отделенный от основного замерзшим протоком между морями Росса и Уэдделла, однако впоследствии Бэрд эту гипотезу опроверг.

В ряде случаев бурение показывало, что данный песчаник заслуживает более внимательного исследования. Добыв при помощи динамита и зубила образцы, мы обнаружили интересные следы и фрагменты ископаемых организмов, прежде всего папоротниковых, морских водорослей, трилобитов, криноидов, а также плеченогих и брюхоногих моллюсков. Все эти находки представляют большую ценность для изучения ранней истории антарктического региона. Среди прочего Лейк обнаружил странный бороздчатый треугольник, размером в фут по большей стороне, который он сложил из трех сланцевых фрагментов, взятых из взрывной

воронки. Работа велась на западе, вблизи хребта Королевы Александры, и Лейк, как биолог, признал отпечаток весьма странным и наводящим на размышления, хотя мой взгляд геолога увидел в этой ряби довольно обычную для осадочных пород картину. Поскольку сланец представляет собой не более чем метаморфическую формацию, содержащую спрессованный осадочный слой, и поскольку давление само по себе причудливо искажает любые формы, бороздчатый треугольник не вызвал у меня никаких вопросов.

6 января 1931 года мы — Лейк, Пейбоди, Дэниэлс, все шестеро студентов, четверо механиков и я — пролетели на двух больших самолетах над самым южным полюсом. Однажды поднялся ветер, и нам пришлось совершить вынужденную посадку, но ураганной силы он, по счастью, не достиг. Это был, как указывалось в газетах, один из наблюдательных полетов; во время прочих мы пытались изучить топографические особенности тех мест, куда не проникали прежние исследователи. В этом плане первые полеты нас разочаровали, хотя нам посчастливилось наблюдать обманчивое великолепие полярных миражей, о которых мы уже получили некоторое представление на море. В воздухе проплывали отдаленные горы, подобные зачарованным городам; белизна окружающего мира нередко расцвечивалась яркими красками фантазий лорда Дансени: золотой, серебряной, алой; магический свет низкого полуночного солнца будил ожидание чуда. В облачные дни пилотировать самолет бывало нелегко: заснеженная земля и небо сливались в сплошную молочно-опаловую пустоту, где невозможно было различить разделяющую их полосу горизонта.

Наконец мы решили вернуться к нашему первоначальному плану, то есть на всех четырех исследовательских самолетах вылететь на восток и на расстоянии 500 миль

устроить новую промежуточную базу в точке, принадлежащей (как мы ошибочно предполагали) к соседнему отдельному участку суши. Будет интересно, думали мы, сравнить добытые там геологические образцы с прочими. Здоровье всех участников до сих пор ничуть не пострадало: сок лайма служил удачным дополнением к нашему постоянному рациону — консервированным и соленым продуктам, температура воздуха обычно не опускалась ниже нуля, так что самая теплая меховая одежда не пошла еще в ход. Наступила середина лета, и мы рассчитывали, работая споро и старательно, завершить наши труды к марту, чтобы избежать томительной зимовки в условиях долгой антарктической ночи. С запада несколько раз налетали жестокие штормовые ветра, но благодаря изобретательности Этвуда они не нанесли нам ущерба: он придумал простейшие укрытия для самолетов, ветроломы из тяжелых снежных блоков, а также укрепил лагерные строения при помощи того же снега. Все шло на удивление гладко.

Внешний мир, конечно, был осведомлен о нашей исследовательской программе; не было секретом и странное упорство Лейка, непременно желавшего до переезда на новую базу совершить вылазку на запад, а вернее — на северо-запад. Похоже, он немало размышлял о сланцевом бороздчатом треугольнике и строил пугающе дерзкие предположения. Он усмотрел в загадочном образце несоответствие природе и геологии данного периода, и это так раззадорило его любопытство, что он спал и видел, как бы добыть новые материалы на западе, где простиралась формация, к которой, по всей видимости, принадлежали заинтересовавшие его сланцы. Непонятно, почему он убедил себя, будто имеет дело с отпечатком некоего не известного науке крупного организма — не поддающегося классификации, однако весьма

сложного, притом что порода, в которой он был обнаружен, относилась к древнему — кембрийскому, а то и докембрийскому — периоду, когда сложных организмов не существовало вообще и вся фауна сводилась к одноклеточным — самое большее к трилобитам. Возраст фрагментов со странным отпечатком составлял порядка 500 миллионов, а то и весь миллиард лет.

II

Надо полагать, публику немало поразили наши радиосводки об экспедиции Лейка на северо-запад, в области, где еще не бывал — и даже не мыслил побывать — человек, хотя о безумных надеждах Лейка произвести переворот в биологической и геологической науках мы не упоминали. 11–18 января он совершил предварительную вылазку на саних, с участием Пейбоди и еще пятерых человек (утомительную экспедицию омрачило происшествие: преодолевая нагромождение торосов, сани перевернулись и погибли две собаки), и привез новые образцы архейских сланцев. Обилие ископаемых организмов в невероятно древних слоях заинтересовало уже и меня. Ничего столь уж невероятного я в них, впрочем, не усмотрел: это были весьма примитивные формы жизни; удивляться можно было только тому, что в докембрийских, по всей видимости, слоях вообще обнаружались признаки живых существ. Я все еще не видел смысла в требовании Лейка отступить от нашей, сжатой по времени, программы, тем более что для этого требовались все четыре самолета, много участников и все научное оборудование. И все же, поразмыслив, я не отверг план Лейка, хотя сам не прислушался к его доводам, что ему необходимы советы геолога, и остался на базе. Они улетели, а мы с Пейбоди и еще пятью сотрудниками стали обсуждать подробности

запланированного перемещения на восток. Подготовка уже шла: один из самолетов начал перевозить с пролива Мак-Мердо изрядный запас горючего — но с этим можно было подождать. Я оставил на базе сани и девять собак: в абсолютно безлюдном мире векового сна нужно иметь при себе на всякий случай хоть какой-то транспорт.

Как всем известно, участники экспедиции Лейка в неведомое и сами посылали сообщения с помощью коротковолновых передатчиков на самолетах; сигналы принимались одновременно нами на южной базе и «Аркхемом» в проливе Мак-Мердо, откуда они на волне пятьдесят метров сводки передавались во внешний мир. Экспедиция отправилась 22 января, в 4 часа утра, а первое сообщение поступило к нам только через два часа: Лейк сказал, что они приземлились в 300 милях от базы и начали пробное растапливание льда и бурение. Через шесть часов пришла вторая радиограмма, тон ее был очень взволнованный: работа кипела вовсю, был пробит неглубокий шахтный ствол и подорван заряд. Труды увенчались находкой: фрагментами шлака с отпечатками, похожими на прежний, так поразивший Лейка.

Еще через три часа поступила краткая сводка: несмотря на сырость и пронизывающий ветер, самолеты поднялись в воздух. Я ответил, что возражаю против дальнейших рискованных шагов, Лейк отозвался кратко: риск, мол, оправдан, полученные образцы того стоят. Стало понятно: Лейк взвинчен настолько, что не остановится перед открытым неповиновением, и я бессилен предотвратить дерзкую затею, угрожавшую погубить всю экспедицию. Притом пугала мысль, что Лейк все больше углубляется в предательскую, мрачную, белую необъятность, обитель бурь и непостижимых тайн, простирающуюся на 1500 миль в сторону малоизученного побережья Земли Королевы Мэри и берега Нокса.

Содержание

Хребты безумия.	3
Модель Пикмана	150
Музыка Эриха Цанна	170
Заброшенный дом.	182
В склепе.	225
Картинка в старой книге	238

Литературно-художественное издание

16+

Говард Филлипс Лавкрафт

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70х100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 09.2021. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в ЗАО «Белгородское торгово-промышленное предприятие»

Юр. адрес: 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Некрасова, д. 11.
Факт. адрес: 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 147 «А»